И.А. ПЕТРОВА
Д.С. ШАМЕНКОВА
(Волгоград)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ П. Н. МИЛЮКОВА

Изложен взгляд российского политического деятеля и историка Павла Николаевича Милюкова (1859–1943) на русскую литературу XIX в. Раскрываются его концепция своеобразия русской культуры и ее влияние на развитие русской литературы в целом и особенно в период «золотого века», а также на становление и развитие новых «культурологических» подходов в изучении как русской культуры, так и истории России.

Ключевые слова: *культурная эволюция, классический период русской литературы, национальное творчество, секуляризация литературы, романтизм, сентиментализм, реализм, П.Н. Милюков.*

Концепция развития российской культуры Павла Николаевича Милюкова сегодня является чрезвычайно интересной в плане зарождения и развития теорий современной культурологии как интегрирующей науки. По сути, основной целью работ русского историка и выдающегося политического деятеля были выявление и раскрытие особенностей русского культурного кода, говоря словами Пушкина «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Эта особенность и непохожесть, так хорошо прочувствованная классиками русской литературы, у Милюкова приобретает не чувственно-эмоциональный, а парадигмально-научный характер, генезис которого мы находим в теориях западников и славянофилов.

Свое повествование историк начинает с самых истоков русской культуры, раскрывая перед читателем не просто летопись культуры, а, в первую очередь, условия ее формирования, а также факторы, повлиявшие на складывание ее уникальных черт.

Особое место в монументальном труде П.Н. Милюкова как историка («Очерках по истории русской культуры») занимает XIX в. По словам самого автора, именно этот исторический промежуток является классическим для русской культуры. В нем наиболее ярко в полном многообразии раскрылся самобытный облик русской культуры и русского духовного склада, который складывался на протяжении почти тысячелетней драматической истории зарождения и развития русского этноса.

Павел Николаевич, будучи разносторонней личностью и энциклопедически образованным ученым, впервые в России в своем главном труде сделал попытку рассмотреть факторы исторического развития в их целостности. Он полагал, что для выявления закономерностей и сущности явлений истории необходимо анализировать не только материально-экономические факторы, но и, что особенно важно, социальные, психологические, географические, политические и культурные факторы. В итоге спустя много лет неустанного труда появилась на свет его авторская теория «культурной истории», или «эволюции культуры». Таким образом, П.Н. Милюков может считаться одним из основоположников «цивилизационного подхода» к изучению истории [8].

Литература изначально является наиболее «говорящим» искусством. Возможно, именно поэтому лидер российского либерализма, будучи сам в некотором смысле писателем, в своих «Очерках по истории русской культуры» особое внимание уделил генезису русской национальной литературы и факторам, на него повлиявшим.

Очерк, посвященный истории русской литературы, Милюков не зря начинает с описания фрагмента традиционного русского быта, тем самым раскрывая перед читателем сущность его основной идеи о том, что форма и содержание литературы любого периода складываются не только из актуальных культурных, социальных и политических тенденций. Важнейшим ее элементом, по мнению историка, является некий традиционный фундамент, служащий основой для создания уникального национального элемента. Зачастую этот пласт трудно различим невооруженным глазом, но при более тщательном изучении явлений культуры, при использовании более широкого ряда методов исследования историко-культурного процесса он предстает в полноценном облике и помогает проследить глубокую взаимосвязь прошлого с настоящим и даже будущим. В качестве фундамента русской литературы Павел Николаевич видит *русскую идею* в широком смысле слова, в основе которой лежит православная *религиозность*. Раскрывая сущность религиозно-церковных корней русской

© Петрова И. А., Шаменкова Д.С., 2015

литературы, он выделяет ряд специфических особенностей.

Имея общую с Западом почву для развития – христианство, русская литературная традиция имела совершенно иной путь развития. Основой христианской культуры Милюков считает христианскую легенду, на которой возвышается здание европейской культуры во всем её многонациональном разнообразии. Такой же базис существует и в русской культуре, однако он имеет абсолютно другую форму и влияние на все ее направления и литературу, в частности. «Историческая прослойка существует, конечно, и у нас; но она идет как-то боком, не прикрывая всей поверхности и оставляя существовать рядом, бок о бок, самые различные исторические формации» [7, с. 161]. Христианское мировоззрение, по словам Милюкова, не имело «того глубокого влияния» на духовный склад русского народа, как у католических народов.

Важным элементом для складывания национальной литературы историк считает народное творчество. В России же его связь с преобладающими в культуре тенденциями, по мнению историка Милюкова, весьма шатка вплоть до XIX в. Так, период господства византийской традиции в России был весьма условным, т. к. влияние ее прослеживается лишь среди малого круга образованных людей, тогда как в народной среде еще очень долго продолжали преобладать совершенно другие традиции – традиции славянской языческой старины.

В итоге мы видим, что христианская традиция, «легенда», никак не уживалась в России с народным творчеством. Даже те христианские сюжеты и мотивы, которые более или менее укрепились на Руси, пройдя народную обработку, принимали совершенно не угодные церкви черты, т. к. являлись частью увеселительных народных полуязыческих представлений. Об этом читаем в «Очерках»: «Народная масса охотно слушала своих скоморохов, предавалась “бесовским” увеселениям язычества – и оставалась совершенно глуха к церковной проповеди и христианской легенде» [Там же, с. 162]. Однако христианская легенда все же прижилась в русской культуре, но особенность была в том, что ее истоки на Руси лежали не в церковной среде, а в творчестве народных странников XVI в., к поэтическим преданиям которых так тянулся русский народ.

Учитывая все особенности формирования русской национальной литературы, ее уникальные черты, Милюков делает вывод о том, что русская литература проходила аналогичные с Западом стадии развития, но эти стадии имели различные последствия для культуры в целом.

Так еще один из этапов, выделяемых автором «Очерков», получил название «секуляризация литературы». Данный процесс приобрел различные очертания в России и Европе, однако связь их на этом этапе была гораздо теснее, чем когда-либо.

Ни для кого не секрет, что в результате деятельности императора Петра I европейская культура становится главным ориентиром для России. Это коснулось, естественно, и культурной среды, что повлекло за собой процесс секуляризации культуры и литературы как ее составной части. Осталось лишь учесть одну особенность: на Западе процесс секуляризации литературы являлся закономерным этапом ее развития (литература эпохи Возрождения, рост капиталистических отношений, реформация), в отличие от нашей страны, где этот же самый процесс являл собой абсолютно другой культурный смысл – как привитие инородного тела, или, по выражению П.Н. Милюкова, «Запад дает готовый материал для секуляризации литературы» в России. Неудивительно, что этот процесс сопровождался обостренной борьбой старого и нового в обществе, а литература становилась зеркалом происходящего.

По логике П.Н. Милюкова, копирование европейских шаблонов не могло не повлечь за собой ряд последствий, сказавшихся на дальнейшей судьбе и характере русской национальной литературы. Естественно, что при такой «искусственной» обстановке европеизации сложилась ситуация наслаивания двух разных путей и перспектив развития. И, как следствие, первые собственно русские светские литературные сочинения были созданы и распространены лишь в высшей среде российского общества, особенно в кругах только зарождающейся российской интеллигенции. Из-за неграмотности основной массы населения страны эта новая европеизированная светская литература была практически не доступна широким слоям, что весьма тормозило, по мнению Милюкова, формирование русской национальной литературы [13, с. 147]. При учете таких обстоятельств литература на тот момент имела лишь «условность содержания и искусственность формы». Наилучшим доказательством такого предположения автор считает период, названный «ложноклассическим».

За видимой отсталостью, копирующей манерой развития русская литературная традиция развивалась и углублялась с каждым десятилетием все более интенсивно. Уже в том же XVIII в. литература приобретает житейский характер, а в «жизнь проникает элемент идеализма». Именно в тот период в русской литературе появляется сентиментализм, а русская поэзия в глазах Павла Николаевича становится оригинальной.

Еще одним важным моментом, который П.Н.Милюков как русский политический деятель не мог обойти стороной и с которым он связывает секуляризацию литературы, было формирование русской интеллигенции. По его мнению, первое понятие является прямым выражением второго. Вопросы развития и роли русской интеллигенции волновали Милюкова весьма серьезно. Его перу принадлежат несколько сочинений, в которых историк обосновал свою точку зрения на феномен русской интеллигенции, выявив некоторое количество недостатков в направлении мысли и деятельности данной социальной категории. Мнение Павла Николаевича не нашло, однако, большого числа союзников, а вызвало скорее больше споров, в первую очередь, в кругах русской эмиграции. Что касается влияния интеллигенции на развитие литературы, то здесь историк видит ее роль в распространении грамотности, а также значительном расширении круга читателей из разных социальных слоев [9, с. 121].

Важным элементом формирования национального творчества Милюков считает процесс сближения стилей, сформировавшихся в «верхах», и стилей, близких действительной жизни, «мещанских», «подлых». Именно сложности этого процесса, возможно, и придали русской интеллигенции совершенно уникальные черты, а также трудность понимания.

Обозначенные сложности в сближении стилей «верхов» и «низов» являлись одной из основных характеристик ложного классицизма, которую вместе с невыработанностью литературного языка известный историк русской культуры назвал «симптомами», задерживавшими развитие литературы [3, с. 109–110].

Начало классического периода в русской литературе приват-доцент Милюков ассоциирует с так называемой «реформой языка» Карамзина. Литература «приобретает почву» для своего дальнейшего сближения с повседневной жизнью.

«Золотой век» русской культуры оставил после себя огромное наследие во всех своих проявлениях. С литературными произведениями этой эпохи знаком каждый русский человек. Имена Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского известны всему миру. Бурные исторические события, описанные на страницах сочинений русских классиков, сопровождались глубокими изменениями в политической и духовной жизни общества. «Дней александровых прекрасное начало», Отечественная война 1812 г., зарождение декабристского движения – все это нашло отражение в литературе «золотого века». Искусство и литература стали ярким отражением взлетов и падений той эпохи.

П.Н. Милюков в своем исследовании русской культуры обращает внимание на более глубокие мотивы и смыслы русской литературы. Уходя от поверхностного анализа сочинений авторов, он акцентирует внимание не на простой проекции событий через литературу, а на выявлении социально-психологических и политических особенностей общества, создающего данную литературу.

Павел Николаевич дает свое определение классического периода в литературе – классическими «могут быть названы в истории всех литератур те периоды, когда национальное творчество достигло независимого и наиболее полного своего проявления» [6, с. 295]. Исходя из этого определения, Милюков относит к классическому в России период с 20-х по 80–90-е годы XIX в.

Смена ложноклассического периода классическим сопровождается непременными изменениями господствующих в литературе идей и принципов. Это проявилось в появлении протеста против «условных чувств и условных литературных приемов». В России этот процесс представлял собой переход от «тихой грусти и “меланхолически-приятных ощущений” ветеранов литературы» к «неподдельному молодому веселью, не умевшему отдать себе отчета в самом себе, но, тем не менее, весьма заразительному» [6, с. 290]. Такого рода содержание было с энтузиазмом подхвачено широкой читающей публикой и создало немало новых адептов в литературе. Именно в тот момент происходит столь важное для теории Павла Николаевича сближение литературы с жизнью, что и было основной причиной широкой популярности литературы. Особенность заключалась в том, что за этим фактом новой поэзии пока еще не стояло никакой теории.

Тем не менее (вспомним о темпах развития русской литературы) уже Белинский в на-

чале XIX в. пишет о том, что «народность – альфа и омега нового периода», что «наша народность состоит в верности изображения картин русской жизни» [1], возможно тогда не подозревая, что именно эта «народность» станет той самой теорией, стоящей за фактом новой поэзии.

Одним из основоположников нового «эмоционального» витка в русской литературе историк традиционно называет А.С. Пушкина, и с этим сложно не согласиться. С ним историк Милюков и ассоциирует начало в России национального творчества, национальной литературы. «Две черты, отличающие поэта и его время, суть художественный реализм и расцвет национального творчества» [6, с. 291].

Возвышенный русский сентиментализм в ту эпоху сменяется постепенно таинственным романтизмом, однако в литературных кругах возникают определенные сложности с пониманием его истинной сущности, а также главных составляющих. Данным вопросом задается уже Пушкин, который ведет собственные поиски «истинного романтизма», понимая существенные расхождения между западной и российской литературой по своему духу, содержанию и главной цели.

Русская литература XIX в., безусловно, подверглась влиянию европейского романтизма, нескольких его форм. Как известно, некоторое время в литературной среде был широко распространен английский романтизм, названный в России «байронизмом» [12, с. 187–189]. Однако, по замечанию Павла Николаевича, сложившийся в XIX в. русский романтизм был более всего близок германскому.

«Романтизм – это желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченном счастье, которое Бог знает в чем состояло», – так определял романтизм Н.Г. Белинский [1]. Романтизм, сложившийся в России первой половины XIX в., был создан Отечественной войной 1812 г., ее патриотическими настроениями. Однако автор очерка считает, что эти настроения русского общества позднее разошлись под политическими впечатлениями того момента в противоположные стороны – официального патриотизма и общественной революционности.

Отметим, что Милюков одним из первых выделил универсальный характер русского литературного романтизма, который так ярко выразил его современник и романтик уже нового поколения Александр Блок: «… нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений» [2, с. 630].

Особое место в своей теории эволюции русской литературы П.Н. Милюков отводит спору о значении и роли искусства. Эта проблема была широко распространена в XIX в. Часть писателей и поэтов отстаивала позицию о том, что искусство должно быть «чистым», т.е. свободным от всякого влияния извне (в особенности это касалось политических вопросов и общественных настроений). Оппозиционное же мнение склонялось к важности «идеи» в искусстве. Так, например, Рылеев был одним из первых, кто начал искать в искусстве, в литературе некую идею, но, к собственному сожалению, не находил ее. Следует отметить, что она все же была найдена, но уже позднее, когда сменились ориентиры, жизнь стала все больше проникать в литературу, романтизм уступил место реализму.

Пушкинский романтизм был лишь начальным периодом формирования философско-романтической школы в России. Постепенно он обрастал философскими смыслами и идеями о предназначении литературы. Так, последующие поколения видели смысл литературы, в частности поэзии, в синтезе жизни и идеала.

Десятилетие же спустя философские размышления новой школы стали опять не интересны читающей публике. По мнению Милюкова, именно с этого момента русская национальная литература приобретает наиболее социальный характер, а также политический подтекст. На литературную арену выходят такие персонажи, как Станкевич и Белинский со своим новым видением литературы и окружающей действительности. Журнальная полемика сразу же показала огромную пропасть между философскими «кабинетными измышлениями приятелей» и действительными требованиями жизни. «Действительность» становится новым лозунгом для последующего поколения русских писателей и поэтов. И чуть позже к нему прибавляется и второй лозунг – «социальность».

Такого рода изменения принято ассоциировать со сложившейся к середине XIX в. социально-политической ситуацией: кризис крепостничества, нарастание общественного недовольства наложили твердый отпечаток на культуру того периода. Возможно, именно в связи с вышесказанным на первые позиции выходит именно проза, как жанр наиболее полно и конкретно отображающий действительность и позицию автора в отношении этой

действительности. С точки зрения П.Н. Милюкова, литература XIX в. тесно связана в этапах своего развития со сменой власти в стране. Смена правителя всегда дарила населению России надежду на светлое, безоблачное будущее, прогресс в решении насущных проблем государства и общества, но по факту мы могли наблюдать лишь в большинстве случаев несущественные изменения в общепринятом курсе российского самодержавия и, как итог, широкое распространение литературной критики, уже не просто философско-исторической, а именно общественно-публицистической, которая была некой духовной потребностью русского общества. Литературная критика, по замечанию опытного политика П.Н. Милюкова, заменяла собой отсутствие открытой политической критики, обходя запреты цензуры и свободы слова.

«Из старого мировоззрения вынесен был в неприкосновенности только один догмат – о великом значении литературы как средства одухотворить жизнь идеальным началом» [6, с. 294]. Идеалы новых литературных настроений охватывали теперь не только человеческие душевные переживания, к ним еще прибавились общественные и политические идеалы, предстающие пред нами в литературных сочинениях второй половины XIX в. Иной подход виден и в определении цели искусства: отрицание его во имя реализма.

Важно отметить, что, несмотря на четкое выделение границ классического периода в русской литературе, автор находит в нем весьма важный надлом, который ассоциирует с 1855 г. – датой конца царствования Николая I и восхождением на престол Александра II. В тот момент был заявлен протест, который явно выходил за рамки литературы, протест «детей против отцов», борьбы «двух психологических типов, выставленных двумя поколениями, и двух социальных типов, соответствовавших двум моментам истории. Разночинец в литературе боролся против певцов «дворянской усадьбы», и на сторону разночинца стала молодежь и читающая городская публика» [6, с. 296]. Здесь П.Н. Милюков в очередной раз подтверждает теорию о важности сближения «верхов и низов» в культуре; выделение разночинцев – лишнее тому подтверждение, но это была лишь начальная стадия процесса.

Выход разночинцев на литературную арену историк культуры связывает с расширением круга читателей из различных социальных слоев. Теперь уже разночинцы почувствовали опору. Литература отходила от образов и тем российского двора и принимала очертания повседневной, рядовой жизни, как упоминалось ранее. Если в предыдущие времена писательство было неким любительским увлечением дворянского сословия (об этом писал и сам Пушкин, заметивший перемены в литературных настроениях одним из первых), то теперь возникают представления о писательстве как призвании, профессии.

Борьба эта может быть замечена в изменении отношения к литературе и в высших кругах. Писатели и поэты дворянского происхождения оценили преимущества писательской карьеры, а также конкуренцию со стороны оппозиции. Стремительный рост читательского интереса удовлетворялся быстрым ростом издательского дела, тиражей все новых и новых произведений, которые моментально становились не просто бестселлерами (говоря современным языком), а завладевали умами людей, заставляя пересматривать свое мироощущение по отношению к быту и семье и даже к проблемам мировой политики.

Постепенно в противостоянии разночинцев и дворян преимущество переходит к первым. Это отчетливо заметно по настроениям, царившим в дворянской литературе. «Аристократический писатель» очутился в том же положении, что и его деклассированные герои: Чацкий, Онегин, Печорин. В своем дворянском кругу им стало не по себе и тесно, а для деятельности в более широких кругах у них не было ни надлежащей подготовки, ни доступной им точки приложения усилий, да и самое существование этих широких кругов оставалось проблематичным [Там же, с. 298]. Становится все более заметно «устаревание» аристократических образов, и об этом заявляют сами дворянские авторы, но, тем не менее, эти образы продолжают изображать.

Переход к художественно-реалистической традиции Павел Николаевич связывает с появлением на литературной арене Н.В. Гоголя. Этот момент для Милюкова является ключевым: «Русская классическая литература окончательно выступила перед широкой публикой, круги которой раздвигались навстречу новому пониманию литературных задач» [Там же, с. 299].

Возглавила восхождение русской литературы на вершину так называемая «натуральная» школа, родоначальником которой, несмотря на все свои попытки борьбы с «отвратительной реальностью», как раз и являлся Гоголь. Именно он, по словам автора, дал возможность развиваться художникам-реалистам.

Перелом в литературе средины XIX в. был гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Он ознаменовал собой не только смену литературных тем и образов, но и весьма серьезные катаклизмы мировоззрения, не зря следующее поколение русских деятелей культуры получило название «новых людей». Реалистические представления и описания, однако, не интересовали и не привлекали литераторов старой дворянской закалки. Они видели в реализме лишь примитивную попытку изображения худшей, абсолютно не эстетичной стороны человеческой жизни.

Особое значение, по мнению Милюкова, сыграло сочинение Гоголя «Мертвые души». Сам автор видел первоначально в романе другие, более простые смыслы и характеры, но итогом стало произведение, всколыхнувшее всю русскую общественность. По словам Павла Николаевича: «Сам Гоголь стал жертвой столкновения мнений, ими вызванного. Это – «апофеоз России», утверждали славянофилы. Нет, это «анафема России», возражали противники» [6, с. 300].

Историк делает вывод о том, что, несмотря на большое количество изменений и переломов в литературной среде России XIX в. и кажущуюся огромную разницу между поколениями 40-х и 60-х годов, она между ними не такая уж и существенная. Они целенаправленно шли к единой цели, дополняли друг друга в рамках формирующейся реалистической традиции нашей классической литературы. И если отбросить все идеологические, политические, социальные, этические и прочие разногласия, то можно заметить очень важный фактор, скрепляющий два противоборствующих лагеря – народничество.

Так как Милюков достаточно большое внимание уделяет социальному фактору в процессе исследования русской культурной истории, рассмотрению народничества у него отведено весьма значительное место. Практически все литературные тенденции он связывает с общественными течениями и настроениями, распространенными в тот или иной исторический промежуток (именно за такие идеи была часто слышна критика в его адрес). Так они дают толчок новому витку в литературе. В более поздней редакции Милюков уточняет, что в данном случае он имел в виду «народничество» не как социально-политическую силу, а как настроение населения, распространившееся в то время практически среди всех слоев населения России, вызванное обстановкой, сложившейся в государстве.

Такие настроения вызвали к жизни уникальное явление в среде русского дворянства, обозначенное Михайловским как «образ кающегося дворянина». Павел Милюков особое значение придает этой, по его мнению, «филантропии» со стороны русского дворянства, попытке освобождения России, русского крестьянина, вызванные только лишь моральными побуждениями. И даже образ «кающегося дворянина» не был положительно воспринят «младшим братом». Такое отношение в среде русского крестьянства по большей части вызывало лишь чувство обиды и неприязни. По выражению того же Михайловского, реакция крестьянина сводилась к позиции «старшим братом не хочу, ровней не могу» [9]. Среди классиков старшего поколения Павел Николаевич находит лучшее, с его точки зрения, описание синтеза двух социальных образов в творчестве Некрасова. В первую очередь это было связано с самим происхождением поэта, а также его дальнейшей жизнью. Он принадлежал как раз к тем двум противоположным категориям общества: помещичьей и разночинной.

Итогом данного непонимания со стороны крестьянства становится обнаружение писателями-проповедниками идей народничества, нежелания идти навстречу, открываться перед новой идеологией. Постепенно происходит осознание того, что русская деревня не желает помощи от «старшего брата» и даже, наоборот, намекает: «Не суйся!»

П.Н. Милюков связывает такую ситуацию с процессами социального разложения в русской деревне конца XIX в. Когда среднестатистический мужик лишается своей лидирующей роли, идет процесс все большего расслоения русского крестьянства, распад крестьянской общины. В итоге положение народничества в такой ситуации становится неоправданным и весьма плачевным, отголоски чего мы лучшим образом и наблюдаем в сочинениях Г. Успенского. Павел Николаевич считает, что именно в творчестве Успенского, на примере эволюции его идей и взглядов, можно проследить процесс разложения народничества в России, т. к. «одновременно с банкротством старого народничества приближались и сумерки классического периода литературы» [6, с. 316].

Подводя итоги классического периода русской литературы, П.Н. Милюков объясняет главную свою задачу: проследить и объяснить усиление влияния литературы на расши-

ряющиеся круги читателей, а также процесс сближения литературы с российской действительностью, т.е. процесс «складывания» русской национальной литературы. «К 80-м гг. не осталось, кажется, ни одного уголка русской жизни, который не сделался бы предметом художественно-реалистического изображения первоклассных писателей, пошедших по стопам Пушкина и Гоголя» [6, с. 316].

Завершение классического периода и переход к новым настроениям в русской литературе Милюков ассоциирует с «падением быта». Старые идеи, темы и настроения основывались лишь на существовавшем быте. «Когда рухнул быт, рухнули мы сами». Автор отмечает неединомоментность этого процесса, однако обнаруживает его следы уже к концу века. По его мнению, с этим процессом были напрямую связаны импрессионистские настроения в культуре.

Тем самым к концу XIX в. русская литература переходит новый порог в своем развитии. Царившие в классический период возвышенные чувства, романтические эмоции, реалистические переживания, облаченные в художественные формы, уже не находят былого отклика среди читающей публики. Сама жизнь в ходе политических, социальных и экономических изменений приобретает новые темпы и потребности. Литература приходит в русло декадентства, упадничества. По словам Павла Николаевича, «подлинное декадентство есть плод нарушенного равновесия душевных сил на почве физиологического вырождения. Это – настроение пессимизма и бессилия» [Там же, с. 321]. Именно такой видел историк Милюков ситуацию, сложившуюся в русской литературе к началу XX в. [11, с. 36–42].

Уникальность работы П.Н. Милюкова на время ее создания состояла в наличии нестандартных методов изучения культуры и истории. Сам историк уже в позднейшей редакции своих «Очерков по истории русской культуры» отмечает важность социологического и психологического методов в исследовании, которые, по его мнению, дают возможность более четко и ясно проследить эволюцию русской культуры. Процесс становления русской национальной литературы играет для Милюкова весьма значительную роль в культурном развитии России, т. к. именно через литературу можно проследить тенденции, настроения, господствующие в культуре в тот или иной исторический промежуток, именно через литературные сочинения перед историком проступают социальные, политические разногласия, проступает дух времени.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. / ред.-кол.: Н.К. Гей и др. М.: Худож. лит., 1976–1982.
2. Блок А. Собрание сочинений. М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. Т. 3.
3. Галкова О.В. Проблемы изучения культурного наследия в отечественной историографии XVIII – первой половины XIX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Социально-экономические науки и искусство. 2008. № 3(27). С. 108–111.
4. Культурология: учеб.-метод. комплекс / И.А. Петрова, О.В. Галкова, Г.П. Кибасова и др.; под общ. ред. И.А. Петровой. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2015.
5. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2.
6. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс-Культура, 1994. Т. 2.
7. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вера, творчество, образование). Спб.: Мир Божий, 1897.
8. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть первая. Население, экономический, государственный и сословный строй. Спб.: Мир Божий, 1896.
9. Митяева О.И. Роль Милюкова в изучении отечественной культуры в эмигрантский период // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. М., 2001. С. 119–126.
10. Михайловский Н.К. Вперемежку // Сочинения: в 6 т. Спб.: 1897. Т. 4. С. 205–382.
11. Петрова И.А. Особенности культуры XX века. 2-е изд. доп. и испр. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2006.
12. Петров А.В. «Золотой век» русской культуры // Культурология. Волгоград: ВолГМУ, 2007. С. 186–200.
13. Петров А.В. Права человека в культуре монархической России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Педагогические науки. 2007. № 4 (22). С. 146–149.

* * *

1. Belinskij V.G. Sobranie sochinenij: v 9 t. / red-kol.: N.K. Gej i dr. M.: Hudozh. lit., 1976–1982.
2. Blok A. Sobranie sochinenij. M.–L.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1960. T. 3.
3. Galkova O.V. Problemy izuchenija kul’turnogo nasledija v otechestvennoj istoriografii XVIII – pervoj poloviny XIX v. // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.

Ser.: Social'no-jekonomicheskie nauki i iskusstvo. 2008. № 3(27). S. 108–111.

4. Kul'turologija: ucheb.-metod. kompleks / I.A. Petrova, O.V. Galkova, G.P. Kibasova i dr.; pod obshh. red. I.A. Petrovoj. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2015.

5. Miljukov P.N. Vospominanija: v 2 t. M.: Sovremennik, 1990. T. 2.

6. Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury: v 3 t. M.: Progress-Kul'tura, 1994. T. 2.

7. Miljukov P.N.Ocherki po istorii russkoj kul'tury. Chast' vtoraja. Cerkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie). Spb.: Mir Bozhij, 1897.

8. Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. Chast' pervaja. Naselenie, jekonomicheskij, gosudarstvennyj i soslovnyj stroj. Spb.: Mir Bozhij, 1896.

9. Mitjaeva O.I. Rol' Miljukova v izuchenii otechestvennoj kul'tury v jemigrantskij period // Rossijskaja intelligencija na rodine i v zarubezh'e. M., 2001. S. 119–126.

10. Mihajlovskij N.K. Vperemezhku // Sochinenija: v 6 t. Spb.: 1897. T. 4. S. 205–382.

11. Petrova I.A. Osobennosti kul'tury HH veka. 2-izd. dop. i ispr. Volgograd: Izd-vo VolGMU, 2006.

12. Petrov A.V. «Zolotoj vek» russkoj kul'tury // Kul'turologija. Volgograd: VolGMU, 2007. S. 186–200.

13. Petrov A.V. Prava cheloveka v kul'ture monarhicheskoj Rossii // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Pedagogicheskie nauki. 2007. № 4 (22). S. 146–149.

Peculiarities of Russian literature development in the conception by P.N. Milukov

There is described the view of a Russian politician and historian Pavel Nikolaevich Milukov (1859-1943) on the Russian literature of the XIX century. There are revealed the fundamentals of his conception of Russian culture originality and their influence on the development of the Russian literature as a whole and especially in the period of the "golden century". There is found out the influence of P.N. Milukov's conception on establishment and development of the new "culturological" approaches in study both of Russian culture and of Russian history.

Key words: *cultural evolution, classical period of the Russian literature, national creative works, secularization of literature, romanticism, sentimentalism, realism, P.N. Milukov.*

(Статья поступила в редакцию 22.05.2015)

Н.О. ЛЕНИВИХИНА
(Волгоград)

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО «ЖЕНСКОЙ АКТИВНОСТЬЮ» В 20-е гг. XX в. (на примере Нижневолжского региона)

Описана деятельность женотделов (органов по работе среди женщин) в 20-е гг. XX в. в Нижнем Поволжье. На основе архивных документов выясняются условия и методы работы партийных органов с женскими массами. Отмечается двойственность политики руководящих структур в отношении женского вопроса: с одной стороны, документы свидетельствуют о трудностях вовлечения женщин в общественную жизнь, и, с другой стороны, явно прослеживается стремление ограничить женскую активность определенными рамками, условиями , инструкциями.

Ключевые слова: «*женская активность*», *женотделы, делегатские собрания, политическая грамотность, делегатки,* «*женский вопрос*».

Ломка культурно-исторической парадигмы, произошедшая в 90-х гг. XX в., вызвала потребность в ревизии многих взглядов и положений, утвердившихся в исторической науке. Одной из проблем, актуализировавшихся в настоящий период, стал так называемый «женский вопрос», который в условиях советской действительности сводился не столько к установлению реального равноправия женщин, сколько к декларации равных возможностей.

Современные исследователи выделяют три этапа в изучении «женского вопроса»: 1) 1920 – 1940-е гг. – период становления советской историографии; 2) 1950 – 1980-е гг. – исследование женской темы с точки зрения классового противоборства; 3) конец 80-х гг. XX в. – начало XXI в. – пересмотр историографической традиции и появление новых направлений.

Публикации 1920–1940-х гг. (А. Исаев, А. Рязанова, К. Кирсанова и др.) имели в основном пропагандистский характер, призваны были доказать успехи советской эмансипации, интеллектуальный и политический рост советских женщин – активных «строителей коммунизма»[1].

В 1950–1980-х гг. женская тема рассматривалась как составная часть в решении классовых проблем советского общества. Ис-

© Ленивихина Н.О., 2015